
ПРОТОКОЛ
Под запись
СЕЛЬСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ
СОВЕТ ДЕПУТАТОВ
ПРОТОКОЛ
заседания

Varpunen

ПРОТОКОЛ

«Автор»
2026

Varpunen

ПРОТОКОЛ / Varpunen — «Автор», 2026

Семь лет Андрей Лунёв восстанавливал заброшенную ферму: поднимал стены, покупал технику, давал людям работу. Теперь участок признан предоставленным с нарушениями, склад опечатан, а на месте хозяйства уже запланирован крупный инвестиционный комплекс. Ему предлагают деньги за молчание — сумму, которой едва хватит, чтобы рассчитаться с долгами. Но Андрей находит документы, показывающие: судьбу фермы могли решить задолго до суда.Поиски ответов приводят его к старому другу, районным чиновникам и секретарю сельсовета Ольге Никитиной. Она много лет пытается добиться правды о гибели сына. За одним столом сходятся люди, каждый из которых помнит события по-своему — и каждый предпочёл бы, чтобы некоторые слова не попали в протокол.Чем ближе Андрей к разгадке, тем труднее ему отделить чужое предательство от собственных прежних компромиссов. Ведь когда-то правила, которые теперь лишают его всего, помогали ему самому.

© Varpunen, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Своя земля 5
Глава вторая. Старые долги 16
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Varpunen
ПРОТОКОЛ

Глава первая. Своя земля

Когда Андрей Лунёв свернул с трассы на просёлок, он сразу понял, что приехал поздно. У ворот хозяйства стояла белая «Нива» администрации, рядом — чужой серый фургон, а у проходной курил человек в синей куртке с эмблемой службы судебных приставов. Человек держал сигарету двумя пальцами, как держат карандаш над бумагой, которую не хочется подписывать.

Было без четверти восемь. За полем висел низкий ноябрьский туман; с обочин тянуло мокрой листвой, а колея, разбитая КамАЗами, успела подёрнуться тонким льдом. Андрей ехал сюда пятнадцать минут от дома и всю дорогу убеждал себя, что сегодня ничего не случится. Вчера он звонил юристу, тот говорил про ходатайство об отсрочке исполнения, про жалобу, про понедельник. Сегодня была пятница.

У ворот стояли его люди. Не все — человек двенадцать. Смена обычно начиналась в семь. Сейчас трактористы и слесари сбились под навесом, рядом с доской объявлений, где ещё висело выцветшее поздравление с Днём работника сельского хозяйства. Никто не говорил громко. Даже Серёга Макаров, который способен был перекричать работающую дробилку, молча растирал ладони.

Андрей припарковался, не заглушая двигатель. Он увидел, как на двери зерносклада мужчина в сером пальто разглаживает бумагу, а молодая женщина прижимает к косяку кусок красной пломбирующей ленты. От сырости лента не хотела прилипать. Женщина отдирала её и прикладывала снова.

— Вы бы феном погрели, — сказал Андрей, подходя. — Тут розетка есть, если электричество ещё не отключили.

Мужчина повернулся. Лицо у него было аккуратное, бледное, с тонкими усами.

— Лунёв Андрей Николаевич?

— Пока да.

Шутка не сработала. Мужчина раскрыл папку и назвался приставом. Рядом стояли представитель земельного отдела Кротов и незнакомая сотрудница администрации — та самая, с лентой. На её запястье болталась резинка для волос.

Пристав прочёл резолютивную часть исполнительного документа: освободить земельный участок и передать его муниципалитету. Андрей уже слышал эти слова по телефону. Но здесь, под мокрым навесом, они звучали так, будто хозяйство было не хозяйством, а чужим чемоданом, который некстати оставили на вокзале. Пристав уточнил, что не собирается описывать имущество в счёт долга: до согласования вывоза предстояло зафиксировать, что стоит в помещениях, и ограничить доступ к складу, указанному в акте передачи. Адвокат ещё вчера предупреждал, что именно это ограничение они будут оспаривать.

— Склад вы зачем опечатываете? — спросил он. — Там мой инструмент. И зерно моё.

— Составим перечень при вас, — ответил пристав. — Оборудование и зерно остаются вашими. Доступ организуем по заявлению, для вывоза согласуем график. Сейчас помещение закрываем по акту, чтобы никто ничего не вывез и потом не сказал, что там было другое количество.

— А то, что оно под замком, как называется?

Пристав вздохнул. Не раздражённо — устало.

— Андрей Николаевич, я не принимал судебное решение.

Кротов рассматривал землю возле ботинок. На его брюках уже выступили тёмные пятна от росы.

Андрей напомнил Кротову, что склад хранит частное имущество, и потребовал объяснить, почему людей прислали в пятницу. Чиновник ссылался на необходимость освободить участок и уверял, что обещал лишь возможную отсрочку до понедельника. Андрей отлично помнил другое: «Спокойно работайте». Вчера эти слова позволили ему не предупредить людей. Сегодня Кротов произносил их так, словно они ничего не значили.

Женщина с лентой перестала возиться с дверью. Пристав попросил пройти внутрь для сверки имущества. Андрей обернулся к рабочим и увидел, что они делают вид, будто не слушают. Он знал эту особенность своих людей: при чужих начальниках они начинали смотреть куда угодно, только не в лицо тому, кому было стыдно. Серёга Макаров стоял с телефоном в руке. На экране мелькнула фотография маленького мальчика в красной шапке — Андрей не успел понять, почему Серёга так быстро спрятал телефон.

Внутри склада было холоднее, чем снаружи. Андрей увидел на стене отметки мелом: сначала он писал там объёмы зерна, потом Василий стал отмечать высоту воды в весенние паводки. Самая нижняя черта относилась к первой весне после возвращения, когда в бывшем колхозном дворе стояло три исправных стены из десяти. Андрей привёз экскаватор, нанял четверых мужиков и сказал, что к лету запустит сушилку. Мужики сперва хмыкнули, но остались. В первую зиму они грели трубы строительными фенами и ели макароны из одной кастрюли. Сушилка заработала позже обещанного, зато своя. На следующий день после запуска он позвонил матери. Она молчала так долго, что Андрей решил: связь пропала.

Тогда никто не спрашивал, как оформлена земля. Сельсовет хотел, чтобы развалины перестали быть развалинами. В районе хотели отчитаться о новых рабочих местах. Андрей хотел доказать покойному отцу, который всю жизнь проработал здесь, что отсюда ещё можно не уезжать. Он не сразу понял, что все трое хотели разного.

В складе пахло мешковиной и старой краской. Пристав перечислял станки, упаковочные весы и паллеты с зерном. Сотрудница записывала номера. У двери ждал Василий Пахомов, механик, которому Андрей доверял ключи даже от домашнего гаража. Василий держал в руках связку и не решался передать её никому.

Василий не отдавал связку: в складе оставался его личный компрессор. Андрей пообещал, что имущество внесут в опись и потом вывезут законным порядком. Механик всё ещё смотрел на дверь, прикидывая, можно ли вынести компрессор сейчас, пока никто не успел возразить. Андрей покачал головой. Он впервые запрещал своим людям пользоваться тем, что всегда считал их общим рабочим местом.

Василий долго смотрел на ключи, будто мог найти на них другое решение. Потом положил на стол.

Когда опись закончилась, рабочие всё ещё стояли под навесом. Некоторые разошлись по цехам, хотя работать было нельзя: на воротах повесили уведомление, технику велели не перегонять до уточнения перечня. У Андрея зазвонил телефон. Звонила жена, Марина. Он сбросил вызов и тут же отправил сообщение: «Разбираемся. Позвоню».

Серёга Макаров подошёл первым.

— Андрей Николаевич, а за октябрь что? — спросил он и сразу добавил: — Я не тороплю. Просто у меня за квартиру уже вторую неделю пеню рисуют. И в садике сказали: если опять задержу, заявление писать придётся.

Остальные замолчали окончательно. Андрей почувствовал на лице привычную тяжесть, как перед объявлением о поломке, на которую нет денег.

— За октябрь должен был отдать во вторник, — сказал он. — Не отдал. Деньги на счёте есть, но банк приостановил расходные операции по спорному обеспечению; бухгалтер с утра добивается разблокировки зарплатных платежей. Авансы нескольким уже перевёл с личной

карты. Остальным тоже попробую сегодня. Это не обещание на пятницу. Это то, что я сейчас могу сделать.

— Да мы понимаем, — сказал Серёга. — Просто знать бы.

— Будете знать. До вечера каждому позвоню. У кого совсем прижало — подойдите отдельно.

Серёга прикусил губу. Андрей вдруг вспомнил, что тот в конце сентября просил справку о доходах для кредита на лечение зубов жене. Значит, за квартирой и садиком стояло ещё что-то, о чём Серёга не хотел говорить при остальных.

— Я не прошу одолжения, — тихо добавил Серёга. — Я своё спрашиваю.

— И правильно делаешь, — ответил Андрей. — Я тебе должен. Не наоборот.

Никто не двинулся. И от этого Андрей почувствовал себя хуже, чем если бы на него накричали.

— Андрюх, — окликнул Василий, — ты только из-за нас не лезь в долги по третьему кругу. Мы-то хоть по домам разойдёмся, а тебе потом с этим жить.

— А вы чем детей кормить будете? — спросил Андрей.

— Ну, детьми нас не пугай. Они у меня уже сами зарабатывают. Хотя один, конечно, опять у меня занимает.

Кто-то коротко засмеялся. Серёга покачал головой. Смех прервался так же быстро, как возник. Андрей достал блокнот, записал фамилии троих, кому деньги требовались срочно. Он делал это не для вида: с первого года здесь привык записывать всё, потому что память хорошо служила ему только в спорах, а о человеческих просьбах иногда забывала.

Возле проходной стояла Галя Кочеткова, заведующая складом. Ей было за пятьдесят. Она пришла в хозяйство после закрытия швейного цеха и за семь лет научилась определять влажность зерна лучше любого прибора — по тому, как оно сыпалось с ладони. Теперь она держала обе руки в карманах, хотя обычно ими разговаривала больше, чем словами.

— Не отдавай им книжку, — сказала она негромко.

— Какую?

— Журнал приёмки. Оригинал. Они вчера про него спрашивали. Отчего-то.

— Кто спрашивал?

— Из района парень. Без доверенности. Сказал, сверка будет. Я предложила сделать копию, он сказал: нужен только оригинал. И листал он не этот год, Андрей Николаевич, а позапрошлый. Сентябрь. Там, где погрузка ночная.

Андрей посмотрел на опечатанную дверь склада.

— И правильно. Только ты сама ничего не прячь. Сделай копию, отметь, кому и когда показывала. Понадобится — выдадим официально.

— Так он фамилию не назвал, — сказала Галя. — Улыбнулся и сказал: «Вам зачем лишние хлопоты?»

Андрей вспомнил, как легко люди в этом районе произносили слова «лишние хлопоты», когда хотели оставить тебя без бумаги.

Галя умолкла, словно сама удивилась, что произнесла это при чужих машинах. Андрей хотел спросить о сентябрьских записях подробнее, но пристав позвал его сверять последнюю позицию описи. Неизвестный посетитель интересовался не сегодняшним зерном — старой погрузкой, про которую ещё недавно никто не вспоминал.

Галя кивнула, но не ушла.

— Мы ведь здесь останемся? — спросила она.

Андрей хотел ответить: «Конечно». За семь лет он столько раз говорил людям это слово, что оно стало частью его должности. Теперь слово не помещалось во рту.

— Я постараюсь, — сказал он.

Она посмотрела на него внимательно, будто проверяла влажность новой партии зерна, и наконец пошла к остановке.

К девяти часам исполнительные действия закончили. Кротов поставил подпись как представитель муниципалитета на акте передачи участка и протянул бумаги Андрею для ознакомления. Тот нашёл строку «замечания присутствующего лица» и вписал: «Склад используется для хранения принадлежащего хозяйству зерна и оборудования; порядок вывоза не согласован; с ограничением доступа не согласен». Отдельно попросил указать, что управляющий техникой Василий Пахомов передал ключи временно, а не отказался от прав на имущество. Писал спокойно, хотя пальцы дрожали от холода.

— Можете сфотографировать, — сказал пристав.

— Спасибо за разрешение.

Пристав не ответил. Ему, видимо, за утро уже хватило чужих обид.

Когда машины уехали, Андрей ещё несколько минут стоял перед воротами. Красная лента на двери наконец держалась, но один уголок отошёл и шевелился на ветру. Он поправил его машинально. Потом отдёрнул руку, словно застал себя за тем, что помогал опечатывать собственную жизнь.

⁂

В Сосновку он вернулся после четырнадцати лет в областном центре. Там у него были два небольших склада стройматериалов, доля в транспортной фирме и постоянное ощущение, что он всё время за кем-то бежит. После смерти отца приехал продавать родительский дом, но задержался на неделю. На похоронах отцовский товарищ спросил: «Вы-то обратно не собираетесь? А то скоро и хоронить здесь будет некому». Андрей сначала решил, что фраза дурацкая. Потом три ночи думал о ней.

Решение вернуться он принял не из одной любви к родным местам. Склады в городе приносили всё меньше, с компаньоном начались споры, да и в Сосновке он увидел то, чего не замечали приезжие: дешёвые пустующие помещения, дорогу к трассе, людей, умеющих работать с техникой. Позже он стыдился признавать, что жалость к посёлку и расчёт пришли к нему в один день.

Его первым союзником оказался Михаил Громов. Они учились в одной школе, вместе ездили на рыбалку, а в девяностые пару лет работали у одного перекупщика. Михаил из Сосновки не уезжал: держал пилораму, магазин запчастей и умел разговаривать с людьми так, что те благодарили его даже после отказа. В первый приезд по кабинетам он остановил Андрея у дверей земельного отдела и поправил ему воротник, как школьнику перед экзаменом.

— Здесь, Андрюх, бумага сама ничего не делает. Её человек делает.

— Так человек по закону и должен делать.

— Конечно, — сказал Громов. — Поэтому я тебя и привёл к хорошему человеку.

За дверью кто-то громко смеялся. Андрей тоже улыбнулся. Ему хотелось верить, что это и есть возвращение домой: все знают друг друга, нет чужих.

Первый договор аренды подписали под конец зимы. Уже позже выяснилось, что решение о предоставлении участка приняли без обязательного тогда публичного этапа и с неточностями в границах. Андрей был не тем лицом, которое оформляло муниципальные решения, но об опасных пробелах слышал ещё до подписи. Он спросил Громова, нельзя ли отложить сделку до исправления бумаг. Тот посмотрел на привезённую технику и спросил: «А её куда поставишь? Обратно в город?» Андрей подписал. Семь лет он называл это риском. Ни разу — выбором.

Когда понадобилось подключить сушилку, сети выставили счёт, который съел бы весь оборот. Сазонов, председатель сельсовета, помог ускорить согласование технических условий; Андрей за свой счёт оплатил ремонт старого трансформатора возле школы. Деревня получила нормальный свет, сушилка — подключение. Только ремонт и письмо о поддержке проекта

почему-то обсуждали за одним столом. Тогда Андрей счёл это разумным обменом: всем же лучше.

В тот вечер он вернулся на ферму довольный и велел бухгалтеру провести расходы как благотворительную помощь. Бухгалтер спросила, почему бумагу надо датировать прошлой неделей. Андрей ответил: «Не усложняй, Лида. Мы ведь действительно помогли школе». Сейчас ему вспомнился не её вопрос, а то, что после ответа она больше ничего не сказала.

Потом были хорошие годы. Первая прибыль, новое зернохранилище, зарплаты без задержек. Он помнил, как Серёга впервые вывел из ворот новый трактор, а Василий шёл рядом и ругался, чтобы тот не цепанул зеркало. Помнил, как Галя принесла на открытие сушилки пирог с капустой, а местная школа прислала детей с картонным плакатом «Спасибо за работу нашим родителям». Плакат до сих пор висел в кабинете. Солнце выело половину букв. Иногда Андрей думал, что этот плакат и был единственным документом, в котором никто ничего не приукрасил.

Первые неприятности тоже выглядели мелочами. В один год район не согласовал подъезд к хозяйству, потому что границы участка на новом плане не совпали со старым. В другой — проверка нашла нарушение при хранении топлива. Нарушение было настоящим; Андрей устранил его за три дня. Но проверяющий вернулся через неделю и нашёл новое. Затем банк потребовал дополнительное обеспечение по кредиту — после письма об оспаривании аренды. Кто-то сообщил поставщикам, что хозяйство скоро закроется. Начались звонки с требованием предоплаты.

Андрей долго складывал эти события в стопку случайностей. Ему не хотелось признавать, что случайности работают по расписанию.

Перелом наступил весной прошлого года, на презентации нового агропромышленного комплекса. Андрей сидел в третьем ряду районного актового зала, где плохо работал микрофон. На первом слайде стоял лозунг «Точки роста территории». На третьем — карта. Зелёным прямоугольником был выделен его участок. Более того, на месте склада художник нарисовал стеклянное здание с голубой крышей.

— Там же моё хозяйство, — сказал Андрей, не сразу понимая, что говорит вслух.

Сосед шепнул: «Значит, тебя расширяют». Кто-то засмеялся. Молодой специалист у проектора растерянно посмотрел на замглавы Дёмина.

— Пока обсуждаем варианты, — спокойно произнёс Дёмин. — Никаких решений не принято. Андрей Николаевич, после мероприятия подойдите, найдём взаимовыгодную форму.

После мероприятия очередь к Дёмину была такая, будто он раздавал не обещания, а деньги. Когда Андрей наконец подошёл, тот уже спешил в машину и пообещал позвонить. Не позвонил.

Через месяц прокурор обратился в суд с требованием признать старую аренду недействительной из-за нарушений при предоставлении земли. Андрей узнал об иске из заказного письма, принесённого почтальоном в субботу. В понедельник уже все в Сосновке знали, что он «незаконно захватил землю». Откуда появилось это выражение, он так и не выяснил. В бумагах говорилось о процедурных нарушениях, но в разговоры деревни незаметно вошло слово «захватил».

Он судился почти год. Платил юристам, возил папки в область, учил наизусть номера кадастровых участков. Суд не признал его мошенником и не решал вопрос о собственности на оборудование. Но аренду признали недействительной; отдельным решением обязали освободить территорию и согласовать вывоз принадлежащего ему имущества. Дальше началась борьба за сроки: его хозяйство за семь лет приросло к земле фундаментами, кабелями и людьми. Он выиграл несколько недель и проиграл почти все деньги.

В последнем заседании судья спросил, есть ли у сторон намерение договориться о порядке исполнения. Представитель района ответил, что возможность обсуждается. Андрей поверил. На выходе ему даже пожали руку.

Теперь красная лента на складе была единственным результатом этих обсуждений.

⁂

Домой он не поехал. Сел в машину и направился в районный центр, где у него оставался небольшой офис над магазином сантехники. По пути дважды звонил адвокату. Тот отвечал сбивчиво: срочно обжаловать ограничение доступа к складу, требовать письменный график вывоза, забирать копии актов и не спорить с приставом о том, что должен был решить суд. Андрей спросил, почему исполнительные действия провели до рассмотрения их последнего заявления. Адвокат сказал: подача заявления сама по себе исполнение не приостанавливает.

— Это ты мог сказать вчера, — заметил Андрей.

— Я говорил, что гарантий нет.

— Все мне говорят, что гарантий нет. Ты хоть скажи, что есть.

На том конце помолчали.

— У вас есть право обжаловать конкретные действия. И есть шанс договориться о порядке вывоза имущества.

Слово «шанс» Андрей ненавидел всё сильнее.

В офисе пахло дешёвым кофе и пылью от картонных папок. На стене висела фотография первого урожая: люди стояли на фоне жёлтой стерни, Андрей обнимал за плечи Громова. Лица у обоих были обгоревшие и счастливые. Андрей собирался снять снимок с прошлого лета, но всё руки не доходили.

Он открыл банковское приложение. На основном счёте действительно лежали деньги — хватило бы закрыть октябрьскую ведомость, но платёжное распоряжение вернулось с пометкой «требуется согласование». Бухгалтер прислала сухое сообщение: банк обещал ответить к вечеру. На личном счёте оставалось меньше, чем требовалось одному Серёге с его долгами. Андрей перевёл ему часть суммы, потом ещё двум работникам, у которых были маленькие дети. Каждому написал: «Это аванс из моих. По ведомости потом сверим». Не было смысла прятать слово «зарплата»: он хотел, чтобы люди хотя бы знали, откуда пришли деньги.

Звонила Марина. На этот раз он ответил.

— Ты обедал? — спросила она.

— Нет.

— Значит, всё плохо.

Марина редко задавала вопрос «Как дела?». За двадцать лет брака она убедилась, что на него можно ответить чем угодно.

— Склад закрыли. Остальное пока стоит.

— А люди?

— Люди лучше нас.

— Андрей, это не ответ.

Он рассказал про приставов, деньги, Галин журнал. Марина слушала, не перебивая. Когда он закончил, сказала, что открыла письмо из банка по дому. Два года назад они заложили дом под кредит на оборудование: Марина тогда согласилась только после долгого разговора. Теперь банк требовал досрочно предоставить новый график обеспечения. Это ещё не было выселением, но банк предупреждал, что при невыполнении условий обратится за взысканием.

— Мы куда поедем, если дом заберут? — спросила она.

Андрей хотел ответить, что никто ничего не заберёт. Вспомнил утреннюю красную ленту и промолчал.

— Я вчера смотрела объявления, — сказала Марина. — В городе можно снять двушку. Недёшево, зато рядом больница.

— Ты уже объявления смотришь?

— Кто-то должен смотреть дальше понедельника.

— Думаешь, я не смотрю?

— Ты смотришь, как вернуть своё. А я — где нам жить, если не получится.

Марина говорила без злости. Именно это было хуже всего. Она не предлагала предать ферму. Она просто не хотела, чтобы её жизнь снова оказалась заложена без отдельного разговора.

— Я не прошу тебя всё бросить, — сказала она. — Только не обещай людям того, чего не можешь сделать. И мне тоже.

— Я справлюсь.

— Вот это и есть обещание, Андрей.

На этот раз он не нашёл другого ответа. Марина попросила позвонить, когда закончит встречу с Громовым, о которой он ещё не успел ей рассказать. Он спросил, откуда она знает. Оказалось, Михаил звонил ей утром, спрашивал, как дела. Андрей медленно положил трубку. Громов звонил его жене раньше, чем ему самому.

После разговора Андрей нашёл в шкафу папку с наклейкой «Аренда. Первичное». Бумаги были разложены в том порядке, в каком когда-то казались безопасными: заявление, схема участка, письма, постановление, договор. На нижнем листе стояла его собственная подпись семилетней давности. Он помнил снег у администрации, кривую ручку, которую ему дали, и фразу Кротова: «Теперь работайте спокойно». А ещё помнил служебную машину, куда Громов попросил его занести конверт с «расходами на согласование». До этого дня Андрей вспоминал тот конверт только тогда, когда искал причину чужой неблагодарности.

Телефон на столе завибрировал. На экране высветилось: «Миша Громов».

Михаил вместо приветствия спросил, видел ли Андрей последние новости. Услышав недоверчивое молчание, предложил встретиться. Не в офисе, куда Андрей его приглашал, а в кафе «Встреча», через двадцать минут. Тон был дружеский; место и время он назначил так, будто и это входило в старые договорённости.

Кафе «Встреча» оставалось там же, где семь лет назад. Только вывеску заменили на светящуюся, и вместо клеёнчатых скатертей появились столешницы под светлое дерево. За стойкой сидела девушка с телефоном; на телевизоре без звука показывали областные новости. В углу двое водителей спорили о цене солярки.

Громов уже ждал. Перед ним стояла чашка чая и тарелка с нетронутой котлетой. На нём была дорогая тёмная куртка без единого пятна. Андрей невольно посмотрел на собственные ботинки, в которых привёз из фермы половину ноябрьского двора.

— Садись, — сказал Михаил. — Закажи что-нибудь.

— Ты мне поесть предлагаешь или поговорить?

— Одно другому не мешает.

Они помолчали. Семь лет назад им никогда не требовалось искать начало разговора. Теперь Громов размешивал чай так долго, что ложечка звенела о стенки стакана.

— Они готовы обсуждать компенсацию, — сказал он наконец. — Не за землю, понятно, земля не твоя. За прекращение споров, за оборудование, которое им пригодится, за улучшения. Через отдельное соглашение. Сумма не роскошная, но нормальная. Ты закроешь банк, рассчитаешься с людьми и ещё останется.

— Кто «они»?

— Те, кто проект ведёт.

— У проекта есть название. У людей — фамилии.

— Ну вот поэтому с тобой трудно. Ты сначала хочешь фамилии, потом деньги. А надо наоборот.

— Сколько?

Громов назвал сумму. Андрей рассмеялся — коротко, без веселья.

— За один элеватор больше отдавали, — сказал он.

— За элеватор, который стоит на спорной земле? Андрюх, не смеши. Там сейчас весь комплект рисков с тобой идёт.

— Семь лет назад ты называл это развитием района.

— Семь лет назад всё было иначе.

— Потому что я был нужен?

— Потому что ты умел слышать. А теперь только себя слышишь.

Андрей хотел ответить, но официантка принесла чай, которого он не заказывал. Девушка поставила чашку осторожно, не глядя в лица. Михаил поблагодарил её по имени. Андрей вспомнил, что её мать работала у него на сезонной сортировке. Здесь вообще редко удавалось говорить с человеком, не затрагивая другого.

Когда официантка ушла, Андрей спросил о звонке Марине и банковском письме. Михаил подтвердил, что интересовался её здоровьем, но от вопроса об источнике банковских сведений ушёл с обидой: теперь, мол, друг будет протоколировать каждое слово? Андрею стало ясно, что Громов осведомлён о домашних делах лучше, чем признаёт, и что объяснения из него не добиться.

Андрей впервые за разговор подумал не о том, сколько Громов знает, а откуда ему докладывают.

— Ты в этой истории кто? — спросил Андрей, когда девушка ушла. — Посредник? Покупатель? Свидетель?

— Я человек, который пытается тебя вытащить.

— Ты привёл ко мне инвесторов. Ты же первый сказал: «Покажи им площадку, может, совместное предприятие получится». Я показал. А потом они захотели площадку без меня.

— Они предложили тебе долю.

— В моём собственном деле.

— В большем деле. С их деньгами, их сбытовой сетью. Ты отказался.

— Я не отказался. Я попросил показать расчёты.

— Ты попросил контроль. Это разные вещи.

Громов наклонился вперёд. Голос его стал мягче, почти дружеским.

— Послушай. Здесь не про тебя одного. Району нужен большой проект. У инвестора сроки. У администрации показатели. Тебе предлагают выход: закрыть долг банку, рассчитаться с людьми, оставить себе технику, которую ещё можно продать. Да, они получат больше. Но ты же сам видел, что твои договоры держатся на криво положенном фундаменте. Положи рядом два листа: на одном — сумма компенсации, на другом — ещё год судов и зарплаты, которых ты людям должен. Какой выберешь?

Андрей не ответил сразу. Он знал, что сумма плохая, но впервые за день представил понедельник без звонков банка и Серёгиных вопросов. От этой мысли стало стыдно и легко одновременно.

— И что за это нужно подписать? — спросил он.

Громов улыбнулся: впервые за встречу — без усилия.

— Отказ от дальнейших претензий. Согласованный порядок вывоза. Никаких заявлений о давлении.

— То есть правду о том, как это было, я тоже должен им отдать?

— Правду? — переспросил Михаил. — А у тебя она одна?

— Ты мне моими людьми торгуешь?

— Да не торгую я! — Михаил впервые повысил голос и тут же оглянулся. — Я тебе объясняю, как устроено. Не вчера всё началось. Ты сам прекрасно знаешь.

Андрей посмотрел на руки Михаила. На правой было обручальное кольцо, на левой — свежая царапина. Раньше он знал, откуда у приятеля каждая царапина: тот и в двигатель мог полезть, и доску на пилораме подхватить. Теперь не знал ничего. Впрочем, две зимы назад, когда хозяйство едва рассчиталось с поставщиками, именно Громов без расписок привёз им солярку на три дня. Андрей не мог вычеркнуть тот поступок только потому, что сегодня Михаил сидел напротив него с чужим предложением.

— Скажи хотя бы, почему проверка началась через две недели после нашего отказа, — попросил Андрей. — И почему карту моего участка напечатали до того, как вообще подали иск.

— Ты ищешь везде заговор.

— А ты ищешь везде цену.

Михаил отодвинул стакан.

— Тебе же говорили, что нужно делиться.

Фраза прозвучала буднично. Не как угроза — как замечание о погоде. И потому Андрей почувствовал её особенно остро.

— Кто говорил? — спросил он.

— Все, кто с тобой разговаривал. Я в том числе. Система тебе помогала, пока ты строился. Землю дали, сети подвели, с проверками вопрос решали. И ты ни разу не спросил, почему для тебя двери открывают быстрее, чем для других. А теперь хочешь, чтобы всё работало по книжке. Так ведь по книжке твой первый договор вообще не должен был появиться.

— Я платил налоги. Зарплаты. Я отремонтировал дорогу, по которой теперь весь посёлок ездит.

— И правильно делал. Но это не отменяет остального.

— То есть я должен был ещё кому-то платить за право работать?

Громов посмотрел на него с настоящим, почти искренним удивлением.

— Андрей. А ты разве не платил?

В памяти всплыл конверт на переднем сиденье служебной машины, вечер перед подписанием договора, слова Громова: «Это не мне, просто расходы». Тогда Андрей не спросил, кому именно предназначались деньги. Не потому, что не догадывался, — потому что ответ заставил бы решать, везти ли технику обратно в город. Когда-то он презирал бы человека, который объясняет такой конверт обстоятельствами. Теперь вспоминал, как сам привёз его семь лет назад. Сейчас ему хотелось доказать, что случай совершенно особенный.

Михаил велел Андрею перестать изображать безупречного человека и принять решение до понедельника: потом, сказал он, начнётся следующий этап. Какой именно, объяснять отказался. За обоих заплатил, не заметив, что Андрей так и не притронулся к чаю. Уже у двери он вспомнил о Лазареве: у Толи, по его словам, такой же старый договор. Андрей спросил, не предлагают ли соседу ту же компенсацию. Михаил посмотрел на него почти с жалостью: «Я предлагаю тебе не быть последним умным человеком в районе».

Он уже взялся за дверь и вдруг спросил:

— Марина как?

— Нормально.

— Передай привет. И это... дом не потеряй из-за своего характера.

Андрей поднялся.

— Миш, кто тебе про письмо банка сказал?

Но дверь уже закрылась. Андрей вернулся к столику. На телевизоре чиновник в белой каске обещал области рекордные инвестиции в аграрный сектор. За окном кафе темнело; пока он выбирал, кому позвонить, неизвестные люди уже составляли списки тех, с кем следовало договариваться.

⁂

К вечеру в Сосновке пошёл мелкий дождь. Андрей заехал на ферму второй раз. Ворота были закрыты. Василий дежурил в сторожке вместо охранника, которого отпустили домой: платить за две смены стало нечем. Механик налил Андрею чай из старого электрического чайника и сказал, что к нему заходили трое работников. Не за зарплатой — спрашивали, надо ли завтра приходить.

— И ещё Серёга звонил, — добавил Василий. — Деньги получил. Велел тебе спасибо передать, но так, чтобы ты не решил, будто это расчёт.

— Он прав, — сказал Андрей. — Это не расчёт.

— Знаю. Поэтому и говорю.

— Скажи, пусть пока не приходят, — ответил Андрей. — Я сам всех обзвоню.

Василий поскрёб ногтем столешницу.

— Мне ещё вот что непонятно, — сказал он. — Если землю неправильно дали, почему они семь лет молчали? Когда мы тут крышу клали, никого не было. Когда снег из цеха выгребали, тоже никого. А теперь вдруг все знают, где граница участка проходит.

Андрей не нашёлся с ответом.

— Сколько ты мне должен, посчитай, — попросил Василий. — И не округляй в большую сторону. Мне пенсия приходит. А у Серёги ребёнок маленький.

— Ты и так полгода переработки не забираешь.

— Заберу, когда будет с чего.

Андрей посмотрел на его пальцы — широкие, в вечных трещинах от масла. Этот человек ссорился с ним из-за каждой лишней закупки и однажды неделю не разговаривал, когда Андрей купил новый служебный автомобиль вместо подержанного. Но в прошлом году, когда сгорел двигатель сушилки, Василий провёл здесь трое суток и отказался ехать домой, пока всё не собрали обратно.

— Спасибо, — сказал Андрей.

— За что?

— Да так.

Василий поморщился.

— Ты давай без похоронных речей. Завтра съездим, посмотрим, может, компрессор разрешат забрать.

Они вышли на крыльцо. Над двором горела одна лампа, остальные Андрей сам велел отключить ради экономии. Вдоль забора темнели силосные ямы, за ними — поле с остатками кукурузной стерни. За семь лет он ни разу не мог посмотреть на это место и увидеть просто землю. Здесь Серёга вытащил трактор из болота; там Галя в первый год ругалась из-за мышей. У дальнего угла Андрей помнил кривой деревянный столб, который они с отцом поставили ещё до его отъезда в город, когда отец показывал, где в совхозные времена проходила дорога. Тогда никакого хозяйства Андрея не существовало. Значит, и память принадлежала не только ему.

— Ты вечером домой-то иди, — сказал Василий.

Андрей кивнул.

В доме пахло жареным луком. Марина вернулась от соседки, которой помогала с лекарствами, и сидела на кухне, разложив перед собой счета. Андрей снял ботинки, долго мыл руки холодной водой. Когда вошёл, она не стала спрашивать, как прошла встреча.

— Миша звонил мне утром, — сказала она. — Он хотел узнать, будешь ли ты с ним говорить. Я сказала: будешь, если сам захочешь.

— И про банк ты ему сказала?

— Нет. Ты правда думаешь, что я за твоей спиной?

Андрей хотел объяснить, что не это имел в виду. Марина аккуратно сложила счета и придвинула к нему письмо.

— Я не понимаю, кому из нас ты сейчас пытаешься доказать, что прав.

Он сел. За семь лет они ссорились о покупке комбайна, о залоге дома, о том, кому платить сначала. Но впервые Андрей подумал, что Марина может перестать ждать, пока он выиграет.

Она налила ему суп и вышла в комнату, оставив свет на кухне. Он попробовал ложку. На столе лежало письмо банка — настоящее, с печатным номером и датой. Впервые за день никто не звонил, и тишина казалась не отдыхом, а предупреждением.

Он вспомнил слова Громова о Лазареве. Тот держал небольшое хозяйство за рекой и весной возил на той же машине мешки с картошкой в школьную столовую. Неделю назад Лазарев пожал Андрею руку на рынке и сказал: «Держись, мы все за тебя». Если Михаил говорил правду, они были не по одну сторону спора: просто каждого вызывали в кабинет по отдельности.

Около десяти он вышел закрыть калитку. Дождь прекратился, на дорожке блестела вода. В почтовом ящике лежала рекламная газета, квитанция и плотный белый конверт без марки. Андрей подумал, что кто-то из соседей снова перепутал адрес, но на конверте было написано его имя. Печатными буквами, без фамилии: «АНДРЕЮ».

Внутри оказались три листа, сложенные пополам. Копия служебной переписки, таблица с кадастровыми номерами и протокол рабочей группы по предварительному размещению инвестиционного комплекса. В правом верхнем углу стоял штамп районной администрации «Копия для служебного пользования». Дата — март прошлого года, за месяц до презентации и почти за два месяца до прокурорского иска. На обороте последнего листа сохранилась тонкая синяя полоска от копировального аппарата, а внизу — косой след от металлической скрепки. Кто-то копировал бумаги из подшитой папки.

Андрей сначала решил, что это очередная бумага из давно известной папки. Потом увидел подчёркнутую карандашом строку: «Проработать включение участков в контур проекта после прекращения действующих прав пользования». Под ней значилось: «Вопросы взаимодействия с арендаторами — внешнему представителю инвестора». Ниже стояли подписи двух должностных лиц и подпись приглашённого участника рабочей группы.

Под третьей было напечатано: «М. А. Громов, представитель ООО „РегионАгроПроект“, по доверенности». Андрей перечитал фамилию. Михаил уверял, что никакого отношения к решениям администрации не имеет, что всего лишь знакомит людей и пытается помочь. В суде его имя не появлялось ни разу. Теперь у этого имени была должность, а у должности — чужая подпись на бумаге, составленной задолго до начала спора.

На полях карандашом написали: «Спросите, кто составил список до совещания». Почерк был мелкий, с резко срезанными концами букв. Андрей не узнал его. Но понял, что письмо не случайно оказалось у него именно сегодня: кто-то хотел, чтобы он успел задать вопрос до понедельника.

Он снова посмотрел на таблицу. Рядом с его участком стояло «Освобождение — этап I». Ниже шли ещё четыре хозяйства, и одно название он узнал сразу: «Лазарев А. П.». Именно Толька Лазарев, утром передававший через знакомого слова поддержки, стоял теперь вторым номером в чужом списке. Андрей не знал, видел ли тот эту бумагу. И вдруг понял, как осторожно Громов произнёс в кафе его фамилию — будто проверял, на что Андрей отзовётся.

Он хотел позвонить Лазареву, но остановился. Вспомнил, как сам семь лет назад улыбался, когда Громов открывал перед ним двери, и не спрашивал, перед кем эти двери закрылись. Впервые ему пришло в голову, что в этой истории он может оказаться не только обманутым.

За окном по улице прошла машина, осветила стекло и скрылась за поворотом. Андрей сложил листы по сгибу, но они не помещались обратно в конверт. Он развернул их снова и положил на кухонный стол рядом с письмом банка.

До сих пор он искал того, кто решил отнять его землю. Теперь нужно было узнать, кто составил список — и почему Миша уже сегодня знал, кто в нём следующий.

Глава вторая. Старые долги

Утром Андрей первым делом позвонил Толе Лазареву. Телефон ответил длинными гудками, потом щёлкнул, и Толя сказал так бодро, будто ждал хорошей новости:

— Ну что, отстоял?

— Ты где?

— У коров. А что?

— Миша к тебе приходил?

Пауза была короткой, но Андрей успел услышать на том конце металлический стук ведра. В такие минуты человек обычно решает, сколько правды он может позволить себе сказать.

Лазарев признал, что Михаил заходил к нему и они пили чай, но о содержании разговора говорить не захотел. Андрей смотрел на лист с пятью участками и предупредил, что в полученном им документе есть и Толино хозяйство. Тот насторожился, потребовал назвать источник, а услышав, что достоверность копии пока не установлена, сделался ещё осторожнее. Вопросы закончились прежде, чем разговор мог стать откровенным.

Лазарев помолчал. Потом сказал уже другим голосом:

— Слушай, Андрей, ты ко мне не приезжай сегодня. У меня зять из города, будем крыть сарай.

— Я не собирался.

— Ну и хорошо. А то у меня тут своих забот.

Связь оборвалась. Андрей ещё некоторое время держал телефон у уха. Вчера Лазарев передавал ему слова поддержки. Сегодня торопился объяснить, почему нельзя встретиться. Если бы Андрей сам не получил конверт, он, наверное, поступил бы точно так же.

Он набрал номер ещё раз и остановил палец над зелёной трубкой. В списке было четыре хозяйства, кроме его собственного. Позвонить каждому? Предупредить? Он представил, как через час его слова перескажут Громову, а тот ровным голосом спросит: «Андрюх, зачем ты людей пугаешь?» Андрей положил телефон экраном вниз. Получалось странно: только вчера он требовал, чтобы ему сказали правду, а сегодня сам выбирал, кому её говорить.

Марина вышла из спальни в свитере поверх ночной рубашки, поставила чайник и увидела документы.

— Ты хоть спал?

— Часа три.

— Это не ответ.

Он хотел сказать ей про Громова, про чужую подпись, про хозяйства из списка, но понял, что опять начнёт с самого интересного для себя, а не с того, о чём она спрашивала вчера.

— Сегодня поеду в район. Потом поговорим про банк. Вечером, без телефонов.

Марина посмотрела на него недоверчиво.

— Мы теперь разговоры друг другу назначаем?

— Чтобы не убегать от них.

Она поставила перед ним чашку.

— Хорошо. Только вечером не говори, что тебе срочно надо к юристу.

В окне был серый двор, мокрая яблоня и отцовский сарай, который они так и не разобрали. Андрей вспомнил, как отец, ещё живой, однажды отчитывал его за покупку дешёвых досок: «На том, что никто не видит, нельзя экономить. Потом именно оно и держит крышу». Андрей тогда смеялся. Теперь почему-то вспомнил именно эту фразу.

Он сложил копии в прозрачную папку и отдельно сфотографировал каждую страницу. Оригинал анонимной записки — листок с карандашным вопросом — оставил дома. Дело было

не в осторожности. Он просто не хотел, чтобы ещё одна важная для него вещь исчезла в чужом кабинете.

⁂

Районный центр назывался Верхнеозёрском, хотя никакого озера поблизости не было. Рядом с администрацией по субботам торговали мёдом и носками. Андрей припарковался за аптекой и пошёл к зданию пешком. На крыльце уборщица выметала из-под коврика влажный песок.

— К кому? — спросила она, не поднимая головы.

— К людям.

— Тогда в понедельник, — сказала уборщица. — Сегодня только дежурные.

Он невольно улыбнулся. Потом остановился. В этой шутке было больше правды, чем ему хотелось.

Семь лет назад он впервые вошёл сюда с Михаилом Громовым. Тогда на стене ещё висел портрет бывшего губернатора, и в коридорах пахло свежей краской. Михаил здоровался через дверь, не заглядывая внутрь: «Палыч, живой?», «Лен, неси чай, у нас инвестор». Андрей не чувствовал себя важным. Ему скорее было неловко, что о нём разговаривают так свободно, словно он давний знакомый всем присутствующим. Но через полгода он научился пользоваться этой свободой: не ждать общей очереди ради справки, позвонить человеку заранее, привезти недостающую бумагу прямо в кабинет.

Однажды Сазонов попросил подсыпать щебнем подъезд к детскому саду. Андрей отправил машину. Потом Сазонов позвонил, поблагодарил за садик и между делом спросил, не может ли хозяйство помочь с отоплением клуба. Андрей помог и с клубом. Не потому, что получил за это обещание. Сначала — потому, что мог. Позже он обнаружил, что на просьбу такого человека невозможно ответить простым «нет», когда через неделю тебе понадобится его подпись.

Когда-то это казалось нормальным обменом участием. Сейчас Андрей впервые попробовал вспомнить, где именно помощь закончилась и начался расчёт. Подъезд к детскому саду был настоящим. Щебень был настоящим. Зато и очередь на согласование будто сама собой становилась короче. Спросить у кого-нибудь, почему, ему тогда не приходило в голову.

Он вспомнил и другое. За открытие сушилки район вручил ему грамоту, а вечером Дёмин, уже без галстука, попросил дать трактор расчистить дорогу к кладбищу. Андрей дал не один трактор, а два: на следующий день там хоронили учительницу, которая когда-то учила его мать. Потом Дёмин позвонил, пригласил «по-человечески» выпить чаю. С той поры Андрей мог попасть к нему без записи. Никакого договора о взаимной услуге не существовало. Тем труднее было определить, когда благодарность превратилась в долг.

В субботу канцелярия не работала, но в районной администрации оставалось несколько человек из хозяйственной службы. Андрей позвонил Кротову. Тот ответил после четвёртого гудка.

— Павел Михайлович, я хочу посмотреть материалы, которые легли в основу проекта по нашей площадке.

— Всё, что относилось к суду, вам предоставляли.

— Я не про суд. Я про рабочую группу. Март прошлого года. «РегионАгроПроект».

Кротов ничего не сказал.

Кротов ответил, что в субботу канцелярия не занимается документами. При упоминании фамилии Громова в протоколе рабочей группы он сперва сказал, что не помнит участников, а затем заговорил о предварительном характере обсуждений. Андрей заметил, как быстро чиновник перешёл от незнания к готовому юридическому объяснению.

Андрей хотел спросить, почему тогда в предварительном документе уже фигурирует прекращение действующих прав аренды. Но вместо этого сказал:

— Хорошо. В понедельник принесу запрос лично.

— Передайте через приёмную.

И Кротов отключился.

«Не помню» было ответом, к которому Андрей привык. За год судов он слышал его чаще, чем «не знаю». Не знать означало признать отсутствие сведений. Не помнить можно было что угодно: разговор, подпись, встречу с человеком, которому вчера называл по имени его детей.

В машине он открыл папку на телефоне. На обороте таблицы виднелся номер листа, написанный синими чернилами. Не печатный номер, а архивная помета: «л. 18». А на следующей странице — «л. 23». Между ними не хватало четырёх листов. Возможно, копировали выборочно; возможно, оставили только то, что хотели показать. Андрей провёл пальцем по экрану, словно мог раздвинуть бумаги и увидеть пропущенное.

Его адвокат, Константин Рябинин, ответил сразу. По выходным он обычно работал дома и отвечал раздражённее, чем в офисе.

Рябинин прежде всего спросил, подлинник ли у Андрея. Узнав, что только копия, предупредил: предварительное обсуждение площадки не доказывает незаконности судебного решения, даже если в списке заранее обозначили хозяйства. Для проверки нужны исходная переписка, даты, поручения и свидетели. Андрей попытался назвать документ бесполезным, но адвокат возразил: юридическое значение и человеческий смысл найденной бумаги — не одно и то же.

Андрей посмотрел на тёмные окна администрации. По-человечески бумага объясняла слишком многое.

Андрей поехал к Сазонову не потому, что надеялся получить признание. Председатель сельсовета имел привычку разговаривать даже тогда, когда ничего не собирался рассказывать. А иногда, стараясь выглядеть полезным, выдавал подробности, которые другие предпочитали не произносить.

Сазонов жил на соседней улице от здания совета, в небольшом доме с низкой крышей. Во дворе стояли бочки для дождевой воды, в парнике чернели остатки помидорной ботвы. Хозяин появился в резиновых сапогах и куртке поверх домашней рубашки.

— Андрюха? Ты чего без звонка?

— А если бы позвонил, ты бы дома был?

— Ты меня за кого держишь? Проходи. Только у меня внучка спит.

На кухне было тепло. Из комнаты доносился телевизор, где кто-то старательно угадывал музыкальные мелодии. Сазонов усадил Андрея к столу и поставил перед ним блюдце с печеньем, не спрашивая, хочет ли он есть. Ничего не изменилось: именно здесь председатель семь лет назад поздравлял его с первым урожаем и рассказывал, сколько людей в посёлке перестали ездить на заработки.

— Я вчера видел твой склад, — сказал Сазонов. — Нехорошо вышло. Правда, нехорошо.

— Ты знал, что придут в пятницу?

— Я не приставам начальник.

— Это не ответ.

— Вот у тебя всё время одно и то же: ответ, не ответ. Ты думаешь, если меня прижмёшь, у тебя завтра снова зерно пойдёт?

Андрей достал копию, но не передал её через стол.

— В марте прошлого года обсуждали освобождение пяти хозяйств. Моё первое. Ты в курсе?

Сазонов глянул на лист издали. Потом на дверь комнаты, за которой спала внучка.

— Инвестор приходил. С картой. Он не ко мне одному ходил. Район говорил: для села рабочие места, для бюджета налоги. Я должен был его выгнать?

— Ты должен был сказать, что здесь люди уже работают.

— Я сказал. Ты же знаешь, что я сказал.

— А в протоколе этого нет.

— Так протокол не я писал.

Сазонов вдруг снял очки, протёр стёкла концом рубашки и посмотрел на Андрея утомлённо.

— У нас школу хотели закрыть. Помнишь? Восемь лет назад. Тридцать семь детей. В области сказали: малокомплектная. Я тогда ездил туда три раза. Меня слушали, кивали, бумаги брали. Потом приехал один человек и сказал, что если у района появится нормальный налогоплательщик, будут считать иначе. И появился ты. Я тебя потому и поддержал. Это была не сделка, Андрей. Я хотел, чтобы школа осталась.

— А теперь?

— А теперь мне говорят, что новый комплекс даст в два раза больше налогов.

— Ты веришь?

— Я хочу верить, — сказал Сазонов. — Это разное.

— Когда мне сказали, что проверят мою аренду, ты тоже хотел верить?

Сазонов повернул к себе блюдце, собирая пальцем крошки печенья.

— Ты думаешь, я бумажку подписываю и наутро у тебя ворота закрывают? — спросил он. — Мне из района принесли письмо: проверить законность старых договоров. Не один твой. Я попросил оставить работающие хозяйства в покое. Мне сказали, что закон один для всех.

— А потом оказалось, что закон нужен только там, где инвестору удобно.

— Это ты сказал.

— А ты что говоришь?

— Я говорю: у меня внучка спит за стеной. И если я сегодня подпишу письмо против района, завтра у неё в школе отопление встанет, а мне объяснят, почему денег нет. Ты назовёшь это трусостью, и, может, будешь прав. Только батареи от твоей правоты теплее не станут.

Андрей хотел возразить, но вспомнил, как сам в прошлом году попросил Василия не поднимать шум из-за невыданных сверхурочных до окончания банковской проверки. Он называл это заботой о хозяйстве. Василий тогда ответил: «Ты за нас не решай, кого нам ждать». Андрей не признался Сазонову, что вспомнил.

Андрей наконец положил лист перед ним. Председатель смотрел не на подписи, а на отметку внизу таблицы: «этап I».

— Кто придумал эти этапы?

— Ты зачем меня спрашиваешь, если уже всё решил про нас?

— Я ничего про тебя не решил.

— Решил. Вон как смотришь.

Сазонов отодвинул бумагу. В прихожей зазвенел мобильный телефон. Он вышел, ответил кому-то ласково: «Да, кабель привезут, не переживай», — и вернулся с другим лицом.

— Мне за клуб вчера снова звонили. Там проводка горела. Помнишь, ты электрика присылал? Звали его как?

— Володя Савин.

— Вот. Он всё сделал, даже денег не взял. И никто ему за это спасибо не сказал. Так что не думай, будто я не понимаю, что ты для Сосновки сделал.

— А от меня теперь чего ждут?

— Чтобы ты не воевал против всего района, — тихо ответил Сазонов. — С кем-нибудь договорись.

Андрей поднялся. Он уже знал, что дальше услышит: «не могу», «не решаю», «не сейчас». Но у самой двери председатель неожиданно придержал его за локоть.

— И к Ольге Никитиной ты зря пока не заходил. Она протоколы наших совещаний хранит лучше, чем мы собственные обещания. Она тебе хоть скажет, чего искать.

— Секретарь совета?

— Угу. Только ты с ней аккуратнее. Она не любит, когда её за дуру держат.

Сазонов проводил его до калитки, будто дружеский визит закончился вполне благополучно. Андрей шёл к машине и думал, что, возможно, председатель искренне хочет помочь. Это не мешало ему знать больше, чем он сказал.

⁂

Ольга Никитина не ответила на первый звонок. На второй пришло короткое сообщение: «В понедельник после девяти. Принесите номера документов». Номер Андрей получил у Гали Кочетковой, заведующей складом. Ольга вела протоколы сельсовета и иногда оформляла совместные встречи с районом; когда спор заходил о том, кто и что говорил, чиновники сами просили поднять её записи. Галя предупредила, что Ольга не любит разговоров по телефону и терпеть не может слова «разобраться», если за ним не следует конкретная дата.

Остаток субботы Андрей провёл в офисе. Он выписал из судебных материалов все даты: заключение аренды, первое уведомление о проверке, прокурорский иск, заседание, решение, исполнительный лист. Затем разложил рядом события, которые в официальных материалах никак не фигурировали: появление делегации инвестора, предложение создать совместное предприятие, разговор о доле, отказ показать расчёты, письмо банка. Сопоставление не давало доказательства. Оно давало ритм.

На полях он написал: «Сначала предложили купить. Потом начали проверять». Посмотрел и зачеркнул. Было слишком удобно, слишком похоже на обвинительную речь, которую он уже год репетировал перед зеркалом.

Он набрал Громова. Тот сбросил вызов. Через минуту пришло сообщение: «До понедельника предложение в силе». Андрей хотел ответить что-нибудь резкое, но вместо этого написал: «Пришли условия письменно». Сообщение осталось непрочитанным.

Вечером, как обещал, он поговорил с Мариной о банке. На столе у них лежали два листа: расчёт возможной продажи оборудования и список расходов на зиму. Марина вычеркнула строку «ремонт крыши веранды», но отказалась вычеркнуть платежи работникам, которые Андрей ещё не успел закрыть.

— Я не хочу, чтобы ты купил нам спокойствие за их счёт, — сказала она. — Но и продавать дом за тебя я тоже не собираюсь.

— Громов предлагает компенсацию.

— От Миши?

Андрей кивнул.

— Ты его рассматриваешь?

— Я не знаю.

Марина медленно сложила лист. Он ждал, что она обвинит его в слабости. Она спросила другое:

— Ты хоть раз считал не то, сколько они должны тебе, а сколько ты можешь позволить себе потерять?

— Мне сегодня звонили из банка, — добавила она. — Предложили приехать вдвоём и обсудить обеспечение. Очень вежливо. Сказали, что пока это не требование о досрочном погашении. Слово «пока» повторили три раза.

Андрей потянулся к письму, но Марина удержала его ладонью.

— Не надо перечитывать. Я его помню. Мы заложили дом, потому что ты сказал, что ферме нужен ещё один год. Семь лет назад ты сказал: «Рискну своим». А дом у нас общий. Я не отнимаю у тебя хозяйство. Я хочу, чтобы ты хотя бы раз спросил, могу ли я рисковать вместе с тобой.

Он открыл рот и закрыл. Она не говорила, что ему нужно уступить. Она хотела, чтобы у решения наконец появилась цена, видимая обоим.

Перед сном Андрей позвонил Василию. Тот сказал, что к ферме приезжал чужой автомобиль, постоял у ворот и уехал. Ни номера, ни водителя он не запомнил.

— Может, просто заблудился, — сказал Василий.

— Может.

— Ты не начинай, Андрюха. А то скоро каждый автомобиль будешь за врага принимать.

Андрей выключил телефон. Впервые за долгое время он не стал придумывать доводы в ответ.

В понедельник в здании сельсовета было тесно от посетителей. У окошка приёмной стояла женщина с заявлением на льготу по отоплению; двое мужчин спорили, чей водоотвод первым прочистят до заморозков. В коридоре пахло мокрыми куртками и дешёвым освежителем воздуха.

Андрей вспомнил, как раньше сотрудница сельсовета махала ему через очередь: «Проходите, Андрей Николаевич, вас ждут». Теперь та же женщина подняла глаза от монитора, назвала номер входящего журнала и попросила оставить заявление в двух экземплярах.

— Я к Никитиной, — сказал Андрей.

— Третий кабинет налево. Но сначала зарегистрируйте обращение.

Он мог возмутиться, что его узнают и нарочно заставляют ждать. Вместо этого заполнил бланк. Пока писал, заметил возле окошка женщину, которой не хватало копии паспорта. Ей объясняли, что аппарат на первом этаже не работает. Когда-то Андрей сразу попросил бы кого-нибудь сделать копию в кабинете. Сегодня он просто предложил женщине воспользоваться копиром в магазине за углом. Она отказалась: не хотела выходить из очереди.

Ольга Никитина сидела за письменным столом, на котором не было ничего лишнего. Невысокая женщина с тёмными волосами, уже заметно тронутыми сединой, она печатала двумя пальцами и не остановилась, когда Андрей вошёл.

— Доброе утро.

— Подождите минуту, — сказала она, не поднимая головы.

На стене висели часы, отставшие на семь минут. Рядом — фотография сельсовета десятилетней давности: пара десятков людей в костюмах, дети с цветами, выцветшее красное знамя на заднем плане. Андрей узнал молодого Сазонова. Себя тогда в посёлке ещё не было.

Ольга допечатала строку, сохранила документ и только после этого развернулась.

— Что ищем?

— Внутренние материалы по инвестиционной площадке. И список участников рабочей группы.

— А вы знаете, что документы районной рабочей группы хранятся не у нас?

Он протянул зарегистрированное обращение. Ольга прочла его не торопясь.

— Ответ на запрос даст район. У нас есть только собственные протоколы и входящие письма. И не я решаю, какие из них вам выдавать. Вы по другому поводу пришли.

— Почему вы так решили?

— Потому что человек, которому нужен официальный ответ, не приходит в понедельник с утра к секретарю сельсовета. Он ждёт ответ на бумаге.

Андрей не стал спорить. Положил перед ней копию, полученную из конверта. Она посмотрела на первую страницу, затем на вторую. На третьей задержалась дольше. Её лицо почти не изменилось, только пальцы сдвинули карандаш к самому краю стола.

Андрей ожидал, что она узнает документ с первого взгляда и выдаст это взглядом. Ольга вместо этого взяла линейку, подвела её под строку с датой, сверила номер с шапкой таблицы. Так проверяют не сенсации, а плохо подшитые квитанции.

Собеседник снова вернулся к происхождению анонимной копии. Андрей признал, что её оставили в почтовом ящике, и попросил не делать из этого доказательство подделки. Рабочая группа, объяснил ему чиновник, могла обсуждать только предварительное размещение, а не

прекращение имущественных прав. Когда Андрей указал на подпись Громова, ему посоветовали выяснить, на основании какой доверенности тот присутствовал. За этим советом Андрей расслышал и угрозу, и подсказку.

Ольга вернула копии. Андрей ожидал большего и не сумел этого скрыть. Она заметила.

— Вы думаете, если я десять лет перепечатываю протоколы, я могу вам за пять минут рассказать, кто что украл?

— Я так не думаю.

— А выглядите именно так.

Из коридора донёсся детский плач. Ольга вышла, объяснила молодой матери, где у них можно набрать воды, вернулась и закрыла дверь не до конца.

— Земля у вас была в муниципальной аренде, — сказала она. — Прокуратура оспорила предоставление участка. Суд признал договор недействительным из-за нарушений при первоначальном оформлении. Теперь район и муниципалитет хотят выполнить решение и передать свободную площадку следующему пользователю. Это официальная цепочка. С ней можно спорить по документам. А вам нужна другая: кто решил, что освободить надо именно вашу площадку, и когда.

— Именно.

— Тогда ищите не распоряжение об изъятии. Его не существует в том виде, как вы говорите. Ищите подготовку проекта: техническое задание, карту границ, задания на проверку договоров, письма о подборе площадки. Там могут быть даты раньше иска.

Андрей удивился не столько тому, что она всё знала, сколько тому, что говорила спокойно, без обычной осторожной оговорки «если это подтвердится».

— Вы эти бумаги видели?

— Часть. Но копии вам из шкафа не достану. И не просите.

— Я не просил.

— Сейчас попросите.

Он впервые за утро рассмеялся. Ольга не улыбнулась.

— А вы почему мне это объясняете?

— Потому что мне надоело, когда люди приходят к нам и путают решения суда с решениями тех, кто готовил материалы для суда. Потом от этой путаницы выигрывают те, кому она выгодна.

— Вы считаете, что кто-то специально готовил иск?

— Я считаю, что вопрос надо задавать в правильном порядке. А ещё — тому, кто не может спрятаться за словом «коллегиально».

Она достала из ящика чистый лист, разделила его вертикальной линией и над первой колонкой написала «Что известно». Над второй — «Кто может подтвердить».

— Начнём с земли, — сказала она. — И без ваших оценок.

Они начали с договора. Андрей называл даты, Ольга переписывала только те, которые можно было подтвердить. Когда он сказал «после моего отказа от совместного предприятия начались проверки», она поставила карандаш поперёк листа.

— Вот это вы знаете или предполагаете?

— Проверка была через две недели.

— Проверка могла быть запланирована за полгода. Докажите связь — тогда поговорим.

— Вы мне помогаете или допрашиваете?

— Пока пытаюсь понять, чем вы собираетесь отвечать, когда вас начнут допрашивать по-настоящему.

Ольга перевернула лист и без предупреждения спросила:

— Почему вы уверены, что первым говорил с инвестором Громов?

— Потому что он привёл их ко мне.

— К вам — да. А в район кто их привёл?

Андрей задумался. Вся его версия начиналась с поездки на ферму, где Михаил уверенно пожимал руки приезжим. Что было до этого, он не знал.

— Вот, — сказала Ольга. — Вы хотите, чтобы они рассказали начало. А начинаете с середины.

Она написала на полях: «Кто представил проект району?» Андрей почувствовал не облегчение, а раздражение. Вопрос был настолько прост, что ему самому следовало догадаться.

Она сказала это без насмешки. Андрей неожиданно почувствовал, как в нём поднимается давно забытое желание не спорить, а работать с человеком, который умеет называть вещи точно.

На листе появились фамилии: Кротов — материалы земельного отдела; Белова — правовые заключения; Сазонов — письма от местного совета; Дёмин — координация инвестиционного проекта; Громов — переговоры с арендаторами. Андрей видел этих людей десятки раз. Дёмин однажды вручал ему районную грамоту под аплодисменты работников. Белова помогала исправить формулировку в старом договоре, предупреждая, что иначе банк не выдаст кредит. Кротов летом заезжал на ферму за зерном для школьной выставки, а потом долго спорил с Галей, как подписать мешки. Ни один не выглядел человеком из тайной организации. Они просто знали, кому позвонить.

— Если хотите говорить со всеми сразу, — сказала Ольга, — нужно дать им причину собраться.

— Я могу запросить внеочередное заседание совета?

— Зачем? Совет не отменит решение суда. И закрытое заседание ради вашего спора вам никто не устроит. А если устроит, адвокат потом первым спросит, что это было.

— Тогда что?

— Совещание по урегулированию последствий исполнения судебного решения. У вас оборудование на участке, спор о графике вывоза и предложение о компенсации. Для этого могут пригласить и район, и муниципалитет, и представителя инвестора. Если они действительно хотят закончить дело миром.

Андрей вспомнил Громова с его нетронутой котлетой.

— Они хотят. Только чтобы я подписал и заткнулся.

— Значит, говорите, что готовы обсуждать. Но хотите видеть всех, чьи действия влияют на условия. И заранее направьте повестку. Без загадок и обвинений.

— Вы придёте?

— Если поручат вести протокол.

Она произнесла «протокол» с такой будничной интонацией, будто речь шла о чистой скатерти. Андрей посмотрел на аккуратные стопки бумаг. Сотни разговоров, после которых оставалось несколько строк, прошли через её руки. Возможно, эта женщина знала устройство местной власти лучше самих руководителей.

Они стали составлять вопросы. Ольга требовала, чтобы каждый вопрос был коротким и имел адресата.

«Кто и когда передал сведения о нарушениях аренды в районный правовой отдел?»

«На основании какой карты определили границы инвестиционной площадки?»

«Кто представлял инвестора на предварительных совещаниях?»

«Каким документом предусмотрена компенсация собственнику оборудования?»

Андрей хотел добавить: «Кто распорядился уничтожить моё хозяйство?» Ольга перечеркнула формулировку, даже не спросив разрешения.

— Так вы ничего не узнаете. Они ответят, что никто не распоряжался, суд принял решение сам. И формально будут правы.

— Вы говорите так, словно сидели на таких разговорах.

— Я на них протоколы вела.

В коридоре кто-то позвал: «Ольга Викторовна, вас к телефону!» Она ответила, что перезвонит, и продолжила писать.

Пятый вопрос Андрей сам придумал так, чтобы Кротов начал оправдываться раньше, чем Белова успеет вмешаться. Он помнил его привычку поправлять чужие даты. Ольга прочла, приподняла бровь и оставила как есть.

— Не слишком очевидно? — спросил Андрей.

— Для кого?

— Для человека, которому его задают.

— Если он действительно помнит дату, он вас поправит. Если нет — начнёт рассказывать, что вопрос некорректный. И то и другое полезно. Только не делайте вид, будто спрашиваете о том, в чём сами уверены.

Андрей впервые заметил в её голосе подобие живого интереса. Он уже собирался спросить, почему она так охотно тратит на него время, когда увидел две строки внизу листа.

«Кто подписывал акт допуска подрядчиков на старую площадку?»

«По какой причине изменена дата в журнале происшествий за сентябрь?»

Он перечитал их дважды.

— Это к моей земле какое отношение имеет?

— Может, никакого.

— Какой ещё журнал происшествий?

Ольга прикрыла строки ладонью, но не спрятала лист.

— Вы сначала своих спросите. А там посмотрим.

— Ольга Викторовна, я пришёл не за тем, чтобы обсуждать чужие истории.

— Чужие? — переспросила она.

На столе под стеклом лежала старая фотография: мальчик лет двадцати в форменной куртке стоял возле железнодорожного вагона и щурился от солнца. Андрей машинально отметил сходство с Ольгой — тот же прямой нос. Она проследила за его взглядом и положила поверх фотографии папку. Никаких объяснений не последовало.

На секунду в её лице появилось что-то, чего Андрей не сумел назвать. Не злость. Скорее усталость от давнего разговора, который никто так и не согласился довести до конца.

— Не вписывайте, если не хотите, — сказала она и подвинула бумагу. — Ваша встреча. Ваши вопросы.

Он поставил рядом с двумя строками вопросительные знаки, но не зачеркнул их.

— А если они вообще не придут?

— Тогда вы узнаете, что предложение Громова было не таким уж мирным. Тоже результат.

Андрей хотел спросить, что значит «чужие», но в дверь постучали. В кабинет заглянул Сазонов, увидел Андрея и на мгновение замер.

— Вы тут вдвоём? — спросил он.

— Составляем перечень вопросов по исполнению решения, — ответила Ольга прежде Андрея.

Председатель посмотрел на лист, потом на неё.

— Только давайте без самодеятельности. Район и так нервный.

— Мы пока только пишем, Виктор Семёнович.

— Вот именно, — сказал он. — Написанное потом тяжело обратно забрать.

Когда дверь закрылась, Ольга почти незаметно повернула лист чистой стороной вверх.

— Он добрый человек, — сказала она.

— Сазонов?

— По-своему. Только доброта не заменяет подписи.

⁂

Выйдя из администрации, Андрей не сел сразу в машину. Он дошёл до небольшого сквера с облезлой детской горкой и остановился у доски почётных граждан. Среди фотографий висел портрет Сазонова. Чуть дальше на стенде «Наши инвестиции» была фотография Андрея с первым трактором — та самая, где он ещё улыбался в камеру, не зная, что когда-нибудь станет рассматривать каждую ведомственную подпись как угрозу.

Он достал лист вопросов. Вопросы Ольги про старую площадку стояли в самом низу и казались чужеродными, словно кто-то вклеил другую историю в его папку. Андрей подумал, что мог бы их вычеркнуть, и не вычеркнул. Может быть, из любопытства. А может, потому что Ольга впервые не попросила его поверить на слово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.